

УДК 811.112.2

Л. М. Бондарева

АНТРОПОНИМЫ КАК АКТУАЛИЗАТОРЫ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В ТЕКСТАХ СКАЗАНИЙ

Рассматривается соотношение понятий «коллективная память» и «культурная память» с позиций лингвистики. В качестве носителей культурной памяти анализу подвергаются антропонимы, репрезентированные в сказаниях сборника братьев Гримм. Особое внимание уделяется основным функциям, которые антропонимы выполняют в семантической структуре текстов сказаний.

The author explores the relationship of the notions 'collective memory' and 'cultural memory'. Anthroponyms represented in the brothers Grimm's sagas are analysed as exponents of cultural memory. The main focus is on the functions of anthroponyms in the semantic structure of the sagas texts.

Ключевые слова: коллективная память, культурная память, сказания, антропонимы, историография, фикциональность.

Key words: collective memory, cultural memory, sagas, anthroponyms, historiography, fiction.

В культуре всех народов мира мифы, сказания и легенды представляют собой особый тип текста, который формируется в семантическом пространстве ретроспективного дискурса (подробнее о ретроспективном дискурсе см.: [2]). В этих текстах находит свое отражение поэтическая коллективная картина мира каждой отдельной нации, причем картина архаизированная и постоянно тиражируемая в своей традиционной форме. Неотъемлемой составляющей процесса структурирования коллективной картины мира следует считать феномен *коллективной памяти*, теория которого была разработана французским социологом М. Хальбваксом [5].

В пользу тезиса, подтверждающего фундаментальность онтологического статуса коллективной памяти, свидетельствует, в частности, и тот факт, что ученые установили целый ряд различных способов передачи воспоминаний членами социума от поколения к поколению. Немецкий исследователь П. Бурке упоминает в данной связи следующие виды общественной организации трансляции воспоминаний:

- устная традиция;
- исторические документы конвенционального характера (мемуары и другие письменные источники);

- нарисованные или сфотографированные, статичные или подвижные изображения (монументы, медали и пр.);
- коллективные памятные ритуалы (напр., День Парижской коммуны);
- географические или социальные пространства (разрушения, переселения и т. д.) [7, S. 292].

Немаловажную роль, как подчеркивает ученый, играет явление социальной амнезии, которое способствует «переписыванию» истории, то есть по сути реструктурированию коллективной памяти.

Как очевидно, коллективные знания, приобретаемые речевыми субъектами в процессе ментально-когнитивной деятельности ретроспективного характера и зафиксированные подобным образом, становятся независимыми от своего источника — социальной памяти, и одним из способов их автономизации являются тексты. Данное обстоятельство дает нам основание рассматривать тексты (в более широком смысле литературу и письменность) в роли актуального средства вербализации и фиксации коллективной памяти, которая трансформируется в ходе подразумеваемого процесса в *культурную память* [6, S. 342–344].

Согласно немецкому исследователю П. Штокеру языковая организация культурной памяти предполагает функционирование текстов в роли аккумуляторов, обеспечивающих «трансмиссию культурной информации», и генераторов культурных процессов [19, S. 78–79]. С помощью литературного текста и на его основе происходит «самоузнавание» определенной культуры в событиях своей собственной истории, а искусство в целом предстает как ритуал по сохранению и увековечиванию памятных событий, как необходимая для прогресса цивилизации своего рода «игра» с культурными образцами.

Таким образом, литература, то есть словесное искусство в частности, служит человеку инструментарием, позволяющим сохранить в культурной памяти «при помощи эстетического структурирования» дела и свершения предков, их жизненную мудрость и формы религиозного миропонимания [14, S. 73].

Отечественный исследователь Н. З. Коковина, ссылаясь на «Труды по знаковым системам» Ю. Лотмана и Б. Успенского (1971), обращает внимание на тот факт, что долгосрочная память человеческой культуры обусловлена присущим ей набором определенных текстов с соответствующими кодами: такие тексты существуют на протяжении весьма длительного времени и образуют пространство «некоторой общей памяти». Автор приводит далее мнение упомянутых ученых об онтологической сущности любой культуры, состоящей из воспоминаний как закодированных элементов прошлого опыта, присутствующих в жизни социума в самых различных формах. Следовательно, мы можем рассматривать культуру в качестве «ненаследственной» памяти коллектива, служащей механизмом хранения и передачи уже существующих сообщений / текстов и выработки новых [4, с. 254].

Как указывает В.М. Грусман, культурная память является одним из компонентов более широкого понятия – исторической памяти общества наряду с политической, экономической и этносоциальной памятью. При этом культурная память выполняет в обществе следующие функции:

– *социально-мнемическую (основную)*, обеспечивающую связь между поколениями и состоящую в накоплении, сохранении и распространении опыта общественной жизни;

– *конституирующую*, предполагающую, что для становления цивилизаций, религий, научных школ, художественных течений необходимо формирование поддерживающих и воспроизводящих их традиций;

– *эмоционально-экспрессивную*, отражающую необходимость соответствия культурной памяти психологическому строю этноса;

– *консервативно-охранительную*, заключающуюся в обеспечении сопротивления чуждым для данного общества внешним новациям, в отторжении непривычного и вместе с тем в неформальном контроле за соблюдением традиционно принятых норм [3, с. 94].

Вполне убедительной выглядит в данном контексте и мысль о том, что механизм культурной памяти может быть интерпретирован в качестве экспликатора «этнокультурных энграмм», представляющих собой когнитивные и ментальные репрезентации этнокультурного сознания, которые позволяют нам извлекать и осмысливать «ценностно-смысловые феномены», накапливаемые на протяжении всей жизни в том или ином «культурно значимом дискурсе» [1, с. 95 – 102].

По нашему мнению, достаточно релевантным типом текста, служащего носителем культурной памяти человечества, являются *сказания*, в которых представлен широкий спектр реалий коллективного прошлого, то есть значимых фрагментов коллективной памяти, однако специфика такого рода актуализации исторических знаний заключается в органическом синтезе нефикционального и фикционального начал, присущем текстам данного жанра.

Неслучайно братья Grimm в предисловии к первому тому своего знаменитого сборника «Deutsche Sagen» указывают на непосредственную близость сказок, сказаний и истории, которые стремятся «друг за другом» донести до нас живой дух прошлого. Тем не менее сказки, отмечают немецкие писатели, носят более поэтический, а сказания «более исторический» характер: они обязательно должны иметь связь с чем-то знакомым и понятным читателю, с каким-либо местом или известным историческим именем [20, S. 7].

Вполне понятно, что в текстах сказаний, собранных братьями Grimm, языковыми экспонентами коллективного прошлого служат главным образом слова-реалии, нередко функционирующие уже в самом названии, напр.: «Der Binger Mäuseturm», «Das Fräulein von Staufenberg», «Der Brunnen zu Steinau», «Königin Adelheid», «Chlotars Sieg über die Sachsen» и т. д.

Важную роль в организации текстового пространства сказаний играет такая разновидность слов-реалий, как *антропонимы*. Апелляция к

именам широкой исторической известности стимулирует читательский интерес и способствует созданию эффекта достоверности и аутентичности излагаемого, что особенно характерно для сказаний, объединенных во втором томе сборника и имеющих своими героями знаменитых правителей и представителей немецкой знати:

Kaiser Karl war im Heereszug und hatte die schöne Hildegard, seine Gemahlin, zu Hause gelassen [16, S. 408].

Kaiser Ludwig der Bayer ließ im Jahre 1337 den Landfriedensbrecher Diez Schwinburg mit seinen vier Knechten gefangen in München einbringen und zum Schwert verurteilen [11, S. 474].

Herzog Balthasar von Schwaben hatte Herzog Albans von München Tochter zur Ehe, die gebar ihm in vierzehn Jahren kein Kind [15, S. 496].

8

Безусловно, сказания о выдающихся личностях Германии носят большей частью явно выраженный историографический характер и в целом лишены элементов мистицизма или сказочности, поскольку они служат для концентрированной передачи следующим поколениям правдивой информации о славных «делах давно минувших дней» их предков. В таких текстах антропонимы широкой известности функционируют на фоне целого ряда вполне однозначных топонимов, хрононимов и иных слов-реалий, что способствует созданию необходимого исторического колорита и реконструкции духа изображаемой эпохи:

Eginhart, Karls des Großen Erzkapellan und Schreiber, der in dem königlichen Hofe löblich diente, wurde von allen Leuten wert gehalten, aber von Imma, des Kaisers Tochter, heftig geliebt [13, S. 424].

Тем не менее указанное положение вещей отнюдь не исключает в общем контексте сказаний вполне понятных попыток поэтического переосмысления реальной действительности или привнесения мотива вмешательства потусторонних сил, вследствие чего главные персонажи сказаний — исторические личности, обладающие аутентичными антропонимами, вступают в прямое взаимодействие со сказочными персонажами. Так, в цитируемом ниже эпизоде из сказания «Das Schwansschiff am Rhein» герцогиня Беатриса Клевская переживает встречу с будущим мужем, которого привозит в корабlike на золотой цепи белый лебедь:

Im Jahr 711 lebte Dietrichs, des Herzogen zu Kleve, einzige Tochter Beatrix... Zu einer Zeit saß diese Jungfrau auf der Burg von Nimwegen... sie schaute in den Rhein und sah da ein wunderlich Ding. Ein weißer Schwan trieb den Fluß abwärts, und am Halse hatte er eine goldne Kette. An der Kette hing ein Schiffchen, das er fortzog, darin ein schöner Mann saß [8, S. 539].

Выдающийся немецкий религиозный и политический деятель Мартин Лютер в сказании «Doktor Luther zu Wartburg» оказывает открытое сопротивление дьяволу, пытающемуся помешать перевести Святое писание, и, безусловно, одерживает победу:

Doktor Luther saß auf der Wartburg und übersetzte die Bibel. Dem Teufel war das unlieb und hätte gern das heilige Werk gestört; aber als er ihn versuchen wollte, griff Luther das Tintenfaß, aus dem er schrieb, und warf's dem Bösen an den Kopf. Noch zeigt man heutigestages die Stube und den Stuhl, worauf Luther gesessen, auch den Flecken an der Wand, wohin die Tinte geflogen ist [12, S. 565].

Следует отметить, что богатый прагматический потенциал текстов сказаний, содержащих антропонимы широкой известности, обусловлен не только фактом фиксации в культурной памяти народа наиболее значимых в социальном плане поступков великих людей прошлого, но и возможностью регистрации и, таким образом, увековечивания причин возникновения новых реалий в жизни общества, что является следствием определенных действий конкретных исторических личностей.

Показательным в этом плане может служить сказание о несправедливом герцоге Отто Баварском, память о котором связана в коллективной картине мира немецкого народа с топонимом *Gretlmühl* («Мельница Гретхен»):

Die Gretlmühl

Herzog Ott, Ludwigs von Bayern jüngster Sohn, verkaufte Mark Brandenburg an Kaiser Karl IV. um 200 000 Gulden, räumte das Land und zog nach Bayern. Da verzehrte er sein Gut mit einer schönen Müllerin, namens Margaret, und wohnte im Schloß Wolfstein, unterhalb Landshut. Dieselbige Mühl wird noch die Gretlmühl genannt und der Fürst O t t o d e r F i n n e r, darum, weil er also ein solches Land verkauft. Man sagt: Karl hab ihn im Kauf überlistet und die Stricke an den Glocken im Land nicht bezahlt [9, S. 475].

В сказании «Die Schwanringe zu Plesse» говорится о том, каким образом топоним *Plesse* связан с историей благородного семейства фон Шванринг и как в итоге этот топоним вызвал появление антропонима *Plesse*, вытеснившего со временем прежнее имя владельцев замка. Дело в том, что, согласно преданию, в 892 г. братья фон Шванринг боролись с семейством фон Беверштайн за право владения землями. Во время охоты один из представителей рода фон Шванринг увидел в лесу участок, понравившийся ему, в результате чего было решено построить в этом удобном «местечке» (*Plätzken*) дом и крепость в знак превосходства над соперниками:

Dieser (побочный брат фон Шванрингов Хайзо Шваненфлюгель. — Л. Б.) ersah ein gutes Plätzchen an einer Ecke gegen die Leine, wies es seinen Brüdern; die sprachen: „Wohlan, ein gut gelegen Plätzken! Hier wollen wir Haus, Burg und Feste bauen“. Also bauten sie an demselben Flecken; das Haus wurde Plätzken und nach und nach P l e s s e genannt; endlich nahmen die Schwanringe selbst den Namen der von Plesse an [10, S. 546].

Историю появления топонима (и, далее, антропонима широкой известности) *Habsburg* читатель может узнать из текста сказания «Radbod von Habsburg»:

Im X. Jahrhundert gründete Radbod auf seinem eigenen Gute im Aargau eine Burg, genannt Habsburg (Habichtsburg, Felsenest), klein, aber fest [18, S. 484].

Необходимо особо подчеркнуть, что функции подразумеваемых антропонимов несколько видоизменяются в сказаниях бытового характера, которые представлены в первом томе сборника братьев Grimm и где еще более ярко находит свое выражение непоколебимая вера народа в существование сверхъестественного и волшебного. В этом случае антропонимы широкой известности могут служить не для номинации персонажей, а для обозначения речевого субъекта, выступающего в качестве транслятора-первоисточника передаваемой информации, что должно было придавать несомненную достоверность и весомость излагаемой истории.

10

Определенный интерес в этом плане вызывает, например, зачин сказания «Johann von Passau», в котором для усиления суггестивного эффекта в качестве транслятора, то есть авторитетного первоисточника информации, упоминается Мартин Лютер:

Doktor Martinus Luther erzählt: Ein Edelmann hatte ein schön jung Weib gehabt... [17, S. 131].

Как очевидно, антропонимы широкой известности могут выполнять в сказаниях целый ряд функций, обусловленных ретроспективной ориентацией текстов данного жанра. В первую очередь они выступают в сказаниях историографического характера в роли актуализаторов культурной памяти отдельного социума, что способствует фиксации в национальном сознании событий, связанных с деятельностью известных исторических личностей. Другими важными функциями антропонимов являются номинирование главных персонажей повествования и реконструкция необходимого исторического колорита, а в сказаниях бытового характера имена собственные знаменитых людей служат для оказания суггестивного воздействия на читателя в целях создания эффекта достоверности и аутентичности излагаемой информации из сферы общего прошлого опыта.

В целом же при доминировании в текстах сказаний фикционального начала, то есть при наличии в повествовании мистических или сказочных элементов, антропонимы широкой известности в совокупности с соответствующими аутентичными топонимами и хрононимами способствуют процессу адекватного восприятия читателем архаичной поэтической картины мира, свойственной данному конкретному народу, в которой нет места сомнению в подлинности описываемых ситуаций, какими бы фантастическими они ни казались.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф., Голованёва М.А., Озерова Е.Г., Чумак-Жунь И.И. Текст и дискурс : учеб. пособие для магистрантов. М., 2012.

2. Бондарева Л. М. Типологические признаки ретроспективного дискурса как гетерогенного речевого феномена // Русская германистика : ежегодник Рос. союза германистов. М., 2013. Т. 10. С. 353–360.

3. Грусман В. М. Музей как институт формирования исторической памяти // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. №8 (35) : Общественные и гуманитарные науки (Философия, языкознание, литературоведение, культурология, экономика, право, история, социология, педагогика, психология). С. 92–99.

4. Кокovina Н. З. Формирование понятия «память» в европейском гуманитарном сознании // Картина мира и способы ее репрезентации : науч. доклады конференции «Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование» (21–24 апреля 2003 г., Курск) / ред. Л. И. Гришаева, М. К. Попова. Воронеж, 2003. С. 251–256.

5. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М., 2007.

6. Assmann J. Die Katastrophe des Vergessens. Das Deuteronomium als Paradigma kultureller Mnemotechnik // Mnemosyne. Formen und Funktionen der kulturellen Erinnerung / hrsg. von A. Assmann und D. Hart. Frankfurt a/M, 1991. S. 337–355.

7. Burke P. Geschichte als soziales Gedächtnis // Mnemosyne. Formen und Funktionen der kulturellen Erinnerung / hrsg. von A. Assmann und D. Hart. Frankfurt a/M, 1991. S. 289–304.

8. *Das Schwanshiff am Rhein* // Deutsche Sagen / hrsg. von den Brüdern Grimm. Düsseldorf ; Zürich, 2002. Bd. 1, 2. S. 539–540.

9. *Die Gretlmühl* // Ibid. S. 475.

10. *Die Schwanringe zu Plesse* // Ibid. S. 546.

11. *Diez Schweinburg* // Ibid. S. 474.

12. *Doktor Luther zu Wartburg* // Ibid. S. 565.

13. *Eginhart und Emma* // Ibid. S. 424–426.

14. Ernst U. Ars memorativa und Ars poetica in Mittelalter und Früher Neuzeit. Prolegomena zu einer mnemonistischen Dichtungstheorie // Ars memorativa: zur kulturgeschichtlichen Bedeutung der Gedächtniskunst 1400–1750 / hrsg. von J. J. Berg und W. Neubeck. Tübingen, 1993. S. 73–100.

15. *Herzog Bundus, genannt der Wolf* // Deutsche Sagen / hrsg. von den Brüdern Grimm. Düsseldorf ; Zürich, 2002. Bd. 1, 2. S. 496.

16. *Hildegard* // Ibid. S. 408–410.

17. *Johann von Passau* // Ibid. S. 131–132.

18. *Radbod von Habsburg* // Ibid. S. 484–485.

19. Stocker P. Theorie der intertextuellen Fallstudien. Paderborn ; München ; Wien ; Zürich, 1998.

20. *Vorrede der Brüder Grimm zum ersten Band* // Deutsche Sagen / hrsg. von den Brüdern Grimm. Düsseldorf ; Zürich, 2002. Bd. 1, 2. S. 7–18.

Об авторе

Людмила Михайловна Бондарева — канд. филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канга, Калининград.

E-mail: bondareva.koenig@mail.ru

About the author

Prof. Ludmila Bondareva, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: bondareva.koenig@mail.ru